

Александр ЧИНЕНКОВ

МУНДИР

Из казачьих сказов

Александр Владимирович Чиненков родился в 1961 году в Медногорске. Окончил академию МВД, работал в милиции. Член Союза российских писателей, автор нескольких исторических романов и повестей. Потомственный казак. Живёт в посёлке Сакмара.

В 1826 году в распоряжение султана Средней орды или Среднего казахского жуза прибыл отряд из двухсот казаков. Они охраняли правителя кочевников всё лето, а зимой разъехались по домам. В орде остались лишь есаул, урядник и двадцать казаков...

По присыпанной снегом степи мчались сани, впереди неслись всадники на крепких, упитанных, косматых лошадях.

— Скоро уж приедем, Пахомыч, — сказал молодой казак ехавшему рядом есаулу. — Жрать охота, мочи нет. Да и в баньке ополоснуться не помешало бы!

— Уймись, торопыга, — усмехнулся тот. — Никто тебя не поуждал в степи у султана на зиму оставаться. Сам вызвался, вот и получай.

— А я чё? А я ничё, — отозвался молодой казак. — Я же это, от нужды вызвался. Сам же знаешь, Пахомыч, семья моя большущая,

и нет в ней недостатка. А так хоть султан хорошо заплатит. Казаки говорят, что щедр он бывает за службу верную.

Он внимательно следил за есаулом и, уловив скупую улыбку на его суровом лице, добавил:

— Я на султановы деньги мундирчик себе изначально прикуплю. Сам видал, каков на мне, Пахомыч. Сперва два брата старших носили, а теперь вот я за ними донашиваю.

— Да-а-а, на тебе не мундир, а тряпка застиранная, — согласился есаул. — Позорище для казака. Я бы эдакое барахло ни за какие ковриги на себя не напялил! Даже если бы надеть было нечего!

Некоторое время ехали молча. Молодой казак, обиженно поджав губы, думал о своём, а есаул, пряча в бороде усмешку, исподтишка наблюдал за ним.

— Слышь, Николка, а ты сколько от султана получить мыслишь за службу свою верную? — спросил он с ухмылкой. — Он ведь много платит только тем казакам, которые отличились геройскими поступками. А тебе до героев далеко покуда... Ты ж всё больше труса празднуешь да от боя до последнего отлыниваешь. Я давно наблюдаю за тобой... Зрю, что рождён ты не казаком геройским, а бабой трусливой! Ты уж не обессудь, что говорю тебе эдакое, но иначе быть не может, раз не я под твоим, а ты под моим началом состоишь!

Казак едва не разревелся, выслушав атамана, но сдержался, согласившись со справедливостью его слов.

С материнским молоком впитал в себя юный Николка качества, необходимые воину-казаку. Он рос крепким и подвижным ребёнком и не боялся оставаться один ни в поле, ни дома. Отец и старшие братья приучали его работать с плугом, ходить в ночное — сторожить в степи коней, верблюдов, коров и овец. Он лихо скакал верхом без седла, легко переплывал реку и выделялся среди сверстников незаурядными способностями. Николка метко стрелял в цель на скаку и ловко управлялся с саблей. В устраиваемых атаманом играх для малолеток он всегда был первым. Но мыслить о делах военных Николка не любил. В его семье служили все. Отец и дед часто рассказывали о героизме казаков в баталиях. Старшие учили младших не только воевать, но и выживать в экстремальных условиях и не щадить жизни за батюшку-царя и Отечество.

Слушая их, Николка представлял себя героем в битвах и мысленно рубил ворогов сотнями, а то и тысячами, всегда оставаясь целым и невредимым. А вот когда пришло время нести службу по-настоящему, он вдруг ощутил, что боится баталий и мечтает избежать их любым способом. Он не проявлял свою робость наглядно,

но научился поступать в бою так, чтобы выжить. Николка стеснялся своей трусости, проклинал её, но как только дело касалось боевых действий, он становился рабом своей слабости...

Прискакал посланный вперёд дозорный. Есаул поднял руку и остановил отряд.

— Ну, что за весть ты принёс на хвосте вороного?

— Аул впереди, — ответил казак, поправляя шапку. — Суета там непонятная.

— Суета, говоришь? — задумался есаул. — И что там?

Дозорный неопределённо пожал плечами.

— Баб я не видел ни одной, — сказал он, поглаживая по загривку коня. — Видел степняков... Мужики одни. Ходят туда-сюда вокруг юрт. Странно как-то — вроде бы ничем путным и не занимаются...

— Ладно, поедем и поглядим, — решил есаул и, привстав на стременах, обратился к казакам: — Браты, всем наготове быть! Впереди аул, а кто в нём, хрен его знает! Степняки — люди непредсказуемые: сегодня улыбаются тебе, а завтра... Что у них будет на уме завтра, тоже хрен знает!

У юрт казаки натянули уздечки и вздыбили коней. Привстав на стременах, они старались рассмотреть, что за люди хозяйничают в ауле.

— Похоже на грабёж, — предположил один из них, взводя курок ружья. — Хотя вроде спокойно всё.

— Детишек и баб не видать, — подал голос ещё кто-то. — А так не должно быть. Сейчас не ночь, а день, и в самый раз бабам работать, детишкам — резвиться!

Казаки не остались незамеченными — послышались крики, ржание коней и даже выстрелы.

— В атаку, братья! — закричал есаул, подстёгивая коня плёткой. — Зададим басурманам жару, пока куда они не опомнились!

Николка тоже ринулся в бой вместе со всеми, но на полпути к юртам непреодолимый страх за свою жизнь сковал его движения. Словно почувствовав настроение хозяина, конь тут же перешёл с галопа на рысь. Казаки наседали на врагов напористо, рубя направо и налево. Отряд разбойников таял на глазах. Ещё немного, и желаемая победа будет достигнута! Однако радоваться было рано: казаки оказались в искусно расставленной западне. Николка понял это первым. Подъезжая к аулу, в котором кипел ожесточённый бой, он увидел, что из едва приметной лоцины выскочили около полусотни разбойников. В лисьих шапках, в тулупах, они с гиканьем ринулись на казаков, подавив их сопротивление. Охваченный паникой Николка развернул коня и, оглянувшись, успел заметить, как трое кочевников устремились

за ним. Конь, нещадно стегаемый нагайкой, мчался по степи с необычайной прытью. Сзади прогремел выстрел, но пуля просвистела над головой, не задев казака. Умирая от страха, Николка как ошумелый гнал коня, боясь обернуться и увидеть наступающих его кочевников. Он до темноты скакал по степи, пока выбившееся из сил животное не заупрямилось и не застыло как вкопанное.

Взяв себя в руки, Николка перестал стегать коня и обернулся. Преследователей не было. Вздыхнув с облегчением, он привстал на стременах и осмотрелся. Место, в котором он находился, казалось необитаемым. В какую сторону ни глянь — только пустая заснеженная степь. «Так что теперь делать-то? — подумал казак в отчаянии. — Ни зги не видно, а конь подо мной едва жив. А если пурга начнётся? Пропаду я здесь ни за понюх табаку. Жуть-то какая! Вокруг ничего живого, даже волков не видно».

Чуткое ухо вдруг уловило собачий лай. Николка встрепетнулся. Втянув ноздрями воздух, он почувствовал запах дымка и прибодрился. Повертев головой по сторонам, казак решительно прищорил коня. Животное фыркнуло, но с места не двинулось. Тогда он подстегнул коня нагайкой, но тот будто прирос копытами к земле. «Час от часу не легче, — подумал Николка, выбираясь из седла. — Придётся пешком

идти, раз скотиняка ни в какую подчиняться не хочет...»

Послonyaвив палец, казак поднял его над головой, чтобы определить направление ветра. «Дует справа, — подумал он, подбадривая себя. — Выходит, и дымком оттуда тянет. Пусть я там и не найду жилья, но живую душу у костра встречу точно». И он пошёл навстречу ветру, потянув коня за уздечку. Но и на этот раз животное не тронулось с места.

— Ну? Чего артачишься, коняга безмозглая? — прикрикнул казак. — Ты что, помирать здесь собрался, тварь неразумная?

После тщетных попыток Николка оставил коня и пошёл в выбранном направлении.

Хутор стоял на правом берегу безымянной речушки. Николка едва не закричал от радости, увидев жильё среди степи. Над крышами стояли почти прямые, словно неподвижные, столбы дыма. Казак перешёл скованную льдом речушку и остановился у крайнего дома, не решаясь войти во двор и постучаться. Грозно лающий, бросающийся на ворота огромный пёс вдруг замолчал, когда скрипнула дверь и из избы кто-то вышел.

— Ну, чего стоишь? Заходи, — послышался грубоватый женский голос.

Николка замер. Сердце забилося часто-часто, а тело охватил озноб.

— Чего топчешься? Заходи, казак, — повторила хозяйка избы. — Не собираешься же ты ночевать на морозе под моим забором?

Не веря своим глазам и ушам одновременно, Николка вошёл во двор, поднялся на крыльцо и, переступив порог, в нерешительности остановился. Передняя казалась чистенькой и ухоженной, но у Николки внутри всё сжалось, и ему сделалось не по себе.

— Ступай, не раздумывай, — подтолкнула его в спину женщина. — Здесь никто тебя не обидит и не съест...

Николку насторожили брошенные ею слова. Может быть, о себе дала знать его природная трусость? Он резко обернулся и обомлел, увидев хозяйку. Перед ним с чадающей лампой в руках стояла молодая красивая женщина. Она приветливо улыбалась и оттого казалась доброй и ласковой. А ещё хозяйка избы поразила Николку худобой, не свойственной казачкам. Платье ниспадало великолепными складками, и в нём женщина казалась княжной или графиней. Сложена она была просто безупречно, изысканная красота её рук и запястий приковывала взгляд.

— Сейчас покормлю тебя, а потом уложу спать, — сказала женщина, улыбаясь. — Но прежде искупаю в бане — только что истопила.

Николка быстро ел всё подряд, что пододвигала ему хозяйка. Она

сидела за столом напротив и смотрела на него. Её глаза были настолько прекрасны и притягательны, что молодой казак с трудом отводил от них взгляд.

После ужина хозяйка отвела казака в баню, раздела и долго парила берёзовым веником. А когда тело гостя стало чистым и гладким, женщина поцеловала его в губы и объявила:

— Вот и всё, можно возвращаться в избу!

Она подала ему полотенце и со стороны наблюдала, как Николка обтирает красивое мускулистое тело.

— Как ты красив! — прошептала она восторженно. — Больше ни одна женщина не увидит твоего прекрасного тела, кроме меня.

— Что ты сказала? — Николка удивлённо поднял брови.

— Это я так, про себя, — с улыбкой ответила красавица. — А теперь идём в избу. Там тебя ждёт такое, чего ты не испытывал никогда в своей жизни!

И за столом, и в бане молодой казак не удивлялся ничему. Он был околдован чарами хозяйки и изнемогал от неудержимого влечения к ней.

— Ты даже не знаешь, как ты прекрасен! — шептала красавица, обвивая его шею гибкими руками. — Вот только мундир на тебе, как тряпка, и прикрывает собой трусливую душу.

— Да... Ты даже про это знаешь, — приуныл Николка.

— Я всё про тебя знаю. И я ждала тебя, — снова зашептала ему в ухо красавица. — Скоро ты женишься на мне, а я выйду замуж не за труса, а за героя! И чтобы ты стал таковым, я сделаю тебе подарок.

— Подарок — это хорошо, — прошептал Николка. — Мне никто и никогда не делал подарков. Я приму его.

И казак привлёк красавицу к себе, заключив её в крепкие объятия.

Когда Николка открыл глаза, то нашёл себя стоящим в степи рядом с конём. «Ну и дела! — подумал казак озабоченно. — Что ж получается? Я всю ночь так и простоял? А как же хутор? Где же красавица хозяйка, с которой я провёл ночь? Или всё это мне привиделось?»

Встряхнув головой, словно отгоняя наваждение, казак вскочил на коня и поскакал туда, откуда сбежал накануне. Мысли путались в голове, он никак не мог сосредоточиться. «Чертовщина какая-то, — думал Николка. — Я хорошо помню хозяйку. Она была очень красивой. Помню хутор, чистенькую избу, мягкую постель... Неужели всё это мне привиделось? Но если так, то как я мог провести ночь на ногах, рядом с конём, спать и видеть сны?»

Ближе к полудню в полном смятении он подъехал к месту,

откуда позорно утёк во время боя. И вдруг пробудилось в нём что-то такое, ранее не ведомое, от чего закипела в жилах кровь. Ярость и отвага вдруг взбудоражили душу, а рука сама потянулась к шашке, висевшей на боку.

«Что это со мной, Господи?!» — подумал Николка, пришпорил коня и с шашкой наголо ринулся вперёд.

В то время, когда Николка подъезжал к аулу, разбойники были заняты дележом добычи. Атаман взял себе половину захваченного: деньги, лошадей и добротные казачьи тулупы. Пленные женщины готовили на кострах пищу, и манящий запах распространялся вокруг.

Казаков атаман разбойников решил продать в Хиву в рабство. Связанные арканами пленники лежали в юрте, вполголоса обсуждая своё бедственное положение. Они посчитали убитых, раненых и поняли: не хватает одного человека.

— Вот подлец Николка! — сетовал есаул. — Бросил нас в трудную минуту! Никогда не доверял ему, и вот его гнилое нутро нынче в самый раз вылезло наружу.

— Да, героем он не был, — вздохнул кто-то. — Но и винить его не за что. Это мы, вылупив глаза, сами в западню залезли. Николке удалось уйти, значит, сберёг его ангел-хранитель!

Изнемогая от тоски, пленные казаки ещё долго переговаривались между собой, пока снаружи не занялась непонятная суета и не послышались крики разбойников. Затем зазвучали выстрелы и звон пашек.

— Вот тебе и на! — оживились казаки. — Что ж это получается, братья? Кто-то напал на аул и рубит в капусту разбойников?

— И не одним десятком напали! — высказался есаул, прислушиваясь. — Видать, туго басурманам приходится!

— Может быть, султан своих воинов к нам на выручку прислал? — предположил кто-то. — Чуете? Резня там идёт знатная! Братцы, неужели Господь сжалился над нами?

Бой в ауле прекратился так же неожиданно, как и начался. Казаки, ничего не понимая, замерли, не слыша радостных воплей победителей.

— Братцы, кто же верх взял? — зашептались они. — Уж не извели ли друг друга басурмане?

— Видать, добычу не поделили, — предположил есаул. — Вот от жадности и сошлись стенка на стенку...

Он замолчал на полуслове: полог откинулся, и в юрту вошел казак с окровавленной пашкой в руке. Лицо его было залито кровью так, что узнать казака было невозможно. Он подошёл к есаулу и разрезал путы на его руках и ногах.

— А вот и я, станичники. Не заскучали вы тут без меня, братцы?

— Кто ты? — выпучили глаза казаки. — Да неужто...

— Я это, Николай Владыкин, — сказал Николка, освобождая других. — Вот пришёл к вам на выручку.

— А мы уж мыслили, что сбег ты, — заулыбался есаул, потирая запястья. — А ты, оказывается, за подмогой мыкался.

— Мыкался не мыкался, а делу конец, — ответил Николка уклончиво. — Айда все на выход, братья! Там бешбармак бабы басурманские сварганили для разбойников, а мы зараз его и откусшаем!

...Когда Николка ворвался в аул, в стане разбойников всё ожило. Вороги выбегали из юрт, выхватывая из ножен сабли. Увидев их, Николка забыл, что такое страх, в душе его пробудились злость и беспшашная удаля. Размахивая пашкой, он вихрем влетел в бурлящую толпу и тут же, на скаку, смахнул две головы с плеч замешкавшихся разбойников. Мгновение спустя ещё двое с разрубленными головами осели на снег, поливая его кровью. А Николка, без усталости размахивая пашкой, разил врагов направо и налево. В казака стреляли, но пули словно отлетали от него, не причиняя никакого вреда, а

стрелы падали наземь с обломанными наконечниками. Даже удары острых пик выдерживало его вдруг сделавшееся непробиваемым тело. Но больше всего удивляла казака его правая рука. Она размахивала пашкой легко и умело, хотя Николка не прилагал никаких усилий.

— Шайтан! Шайтан! — в ужасе кричали степняки и, позабыв про коней, бросались врассыпную.

Николка метался по аулу, как демон, как зверь из преисподней, и без усталости разил врагов, не щадя даже тех, кто бросал оружие и падал на колени. Последним в живых остался атаман разбойников, от былой храбрости которого не осталось и следа. Остолбенев, он с ужасом наблюдал, как Николка верхом на коне неумолимо надвигается на него.

— Албасты!* — закричал он в отчаянии, выхватил кинжал и полоснул острым лезвием себя по горлу.

Как только атаман рухнул в конвульсиях на землю, Николка пришёл в себя. Он осмотрелся и едва не лишился сознания, увидев страшную картину кровавого побоища. Снег был красным, всюду лежали обезглавленные тела разбойников. «О Господи, неужели это я сотворил?! — ужаснулся он. — Да как же я смог один одолеть столько врагов? Да как же это я?»

Но вдруг в его настроении произошла перемена, да так неожиданно и резко, что молодой казак даже не почувствовал этого. Накатившее вдруг спокойствие быстро вытеснило из его стонущей души страх и отчаяние. Теперь он смотрел на тела разбойников с удовлетворением, как победитель после окончания великого сражения...

Освобождённые казаки вышли из юрты и обомлели от увиденного.

— Эй, а где остальные? — спросил есаул, недоумённо глядя на Николку. — Где те, с кем ты освободил нас?

— Я не знаю, о ком ты спрашиваешь, Пахомыч, — самодовольно ухмыльнулся казак. — Вас освободил я один, если знать хочешь. И никого со мной не было.

Казаки застыли как громом поражённые, недоверчиво глядя на Николку.

— Ты хочешь нам втемяшить, что в одиночку порубил всех киргизов? — усомнился есаул. — Мы гуртом не смогли одолеть разбойников, а ты их один?..

Он во все глаза смотрел на спокойное лицо Николки и, как ни старался, не мог себя заставить поверить ему.

— Вот брехло, — загудели казаки возмущённо. — Дык туточки больше пяти десятков порубленными валяются! Да они бы тебя

* Злой дух

на мелкие кусочки посекали, а ты цел, даже не раненый.

— Могли, но не посекали, не справились, — ухмыльнулся Николка. — Вы лучше не меня пытайте, что да как, а свободе своей радуйтесь! Не явись я вовремя, навек бы угодили в неволю хивинскую!

В стойбище султана казаки приехали поздно вечером. Правитель орды глазам своим не поверил, увидев их. Султану уже доложили о бое в ауле и о пленении казаков разбойниками, а тут...

— Позвать всех ко мне в шатёр! — приказал он слугам. — Но прежде пусть помянутся в своей бане, если захотят. Они слишком страшно выглядят.

...Степняки мылись в тех же юртах, в которых и жили, согревая воду в котлах на кострах. Казаки, служившие в охране султана, выстроили себе баньку, в которой мылись по очереди. Дрова в стойбище приходилось возить издалека, из леса, на что уходило не менее недели. И потому баню казаки топили редко, но зато наслаждались мытьём целый день и парились до одурения. Казаки считали, что это спасает их от простуды и омолаживает тело. Зачастую они до того услаждали свои тела паром и веничком, что, выходя из бани, падали в снег или ныряли в прорубь, невзирая на трескучий мороз. Простуда и застой крови, горячка и ломота,

«брюхо» и чесотка, ушибы и похмелье — всё излечивалось в жарко натопленной бане!

Николка зашёл в баню вместе с есаулом и ещё тремя казаками, страстными любителями первого пара. В предбаннике все стали быстро раздеваться. Николка сбросил с головы шапку, снял тулуп, сапоги... И замер, ощутив на себе изумлённые взгляды казаков.

— Эй, чего это вы, братья? — спросил он, попятившись. — Чего пялитесь, спрашиваю?

Есаул снял с крюка подвешенный к потолку фонарь, поднёс его ближе к груди молодого казака и присвистнул:

— Ничего себе! Где же ты раздобыл эдакий мундир, стригунок?

— Э-э-эй, чего это ты, Пахомыч? — опешил Николка. — Ты что, мой мундир впервые видишь?

— Тот, который сейчас на тебе, вижу впервые, — скребя пятернёй подбородок, признался есаул. — Его будто портной только что сшил, а ты его перед баней на себя напялил.

Николка опустил голову и обомлел, увидев новенький мундир, который как влитой сидел на его стройной фигуре.

— Ничего себе! — прошептал он осипшим от потрясения голосом. — Сам не пойму, откуда он взялся. Ей-богу, у меня никогда такого не было.

— Гляди, как по тебе шит!
— зацокали казаки языками, с завистью разглядывая мундир.
— А пуговицы-то медные, блестят вон даже при лампе, как золотые.

Ни живой ни мёртвый Николка ощущал себя и отдёргнул от мундира руки.

— Братцы, ей-богу, не мой это, — пролепетал он. — Даже в толк не возьму, откель он на мне взялся.

— Бреши больше, — не поверили казаки. — У нас не эдакие... Твой вон из дорогушей суконки пошит, из такой дворяне городские справляют мундиры свои, чтоб перед царём-батюшкой красоваться! А наши мундиры из ткани куда проще пошиты. Нам в них службу нести, а не перед барышнями форсить на балах и парадах!

— Да я... Да я его сейчас...

Николка спешно расстегнул пуговицы, попробовал снять с себя мундир, да не тут-то было. Мундир словно прилип к телу. Глядя на потуги своего спасителя, казаки покачали головами и вошли в баню. Николка же, оставшись в предбаннике, не оставлял попыток снять мундир, но безрезультатно. «Господи, да что же это такое? — думал он лихорадочно, пытаясь объяснить себе то, что никак не укладывалось в его голове. — Видать, ночь я не у коня своего провёл, на ногах стоя, а...»

На том его мысли обрывались, вызывая в нём страх и недоумение.

Вволю намывшись и напарившись, есаул и трое казаков вышли в предбанник. Николку они застали на скамейке в удручённом состоянии.

— Ну, чего ты сидишь и мыться не идёшь? — спросил есаул, обтираясь полотенцем. — Боишься свою обнову рядом с нашим барахлом оставить? А ты хитёр, братец, ох и хитёр. Всё нам про бедность свою обсказывал да мундирчик старенький носил. А ну скажи нам, во сколько обошлась батьке твоему форма новенькая? И где нашли умельца эдакого, который мундирчик твой пошил?

— Я нынче не хочу в баню, — сказал Николка, вставая. — Пойду прилягу, что-то неможется мне...

— Не дури, попарься ступай, герой! — потребовал вдруг есаул, начиная сердиться. — Ты ж весь в крови басурманской, а нам к султану идти по его велению!

— Что, без меня сходить не можете? — огрызнулся Николка. — Он всё на вас больше глядеть будет и вас слушать, а моего отсутствия и не заметит.

— Нет, ты пойдёшь с нами! — загудели казаки. — Совершил геройство великое, стало быть, и славу всю себе забирай без остатка.

— Тогда я подремлю чуток, пока вы все помоетесь! — повысил

голос Николка, чувствуя, как закипает внутри гнев. — И не донимайте меня расспросами. Покуда на них я ни вам, ни себе ответить не могу...

Султан встретил казаков в роскошном шатре, сидя на ковре из верблюжьей шерсти, обложившись пуховыми подушками. Первое, что увидел Николка, никогда раньше не бывавший на приёме, — это смиренная поза и скромная одежда предводителя кочевников.

— Я рад видеть вас живыми и здоровыми, хотя... Хотя до меня относительно вас дошли другие слухи.

— Вам, наверное, доложили, что мы вступили в бой с разбойниками и они пленили нас? — предположил есаул.

— Да, именно эту весть принесли мои спасшиеся от разбойников подданные, — кивнул в знак согласия султан. — Но я вижу вас перед собой. Значит, они обманули меня?

— Нет, вам сказали правду, — вздохнул есаул. — Разбойники захватили аул и грабили его, когда мы проезжали мимо и вступили с ними в бой.

— И вы разгромили их, так ведь? — заинтересовался султан. — Но... я не увидел приведённых вами пленников. Вы что, сжалились и отпустили их или порубили всех до одного?

— Да, великий султан, они все убиты, — признался есаул, краснея.

— Но что побудило вас поступить столь неосмотрительно и лишить жизни всех? — подался вперёд заинтригованный правитель кочевников. — Пленных можно было продать в Хиву или Бухару и получить за их головы хорошие деньги!

— Они не заслужили того, чтобы жить, — неожиданно смело заговорил Николка. — Разбойники грабили и убивали твоих подданных, великий султан, а нас, казаков, заманили в западню. Не успею я вовремя, все мои товарищи попали бы в рабство!

Слушая его, казаки побледнели и растерянно переглянулись, а султан... У правителя степняков вытянулось лицо от такой непочтительности, но он сделал вид, что воспринял выходку молодого казака спокойно.

— Получается, ты своей доблестью спас товарищей от разбойников? — сказал он вкрадчиво, и его маленькие глазки недобро сверкнули. — А ты не поделишься со мной своей тайной? Мне очень хочется знать, как у тебя это получилось.

— Сам не знаю, — ответил Николка настолько дерзко, что казаки поёжились, ожидая бури.

— Продолжай, — хмуря лоб, потребовал султан, ожидая потока лжи из уст выскочки. — Ты хочешь мне сказать, что освободил товарищей, убив всех разбойников?

— Сам не пойму, как это получилось, — пожал плечами Николка, — но всё так и было. Я ворвался в

аул на коне, выхватил из ножен пашку и искромсал всех разбойников, кроме их вожака. Увидев меня, он сам себе перерезал горло.

Когда казак замолчал, султан ещё некоторое время сидел в задумчивости. Ему никогда не приходилось видеть такого дерзкого лжеца, который врал так нагло и убедительно, что ему можно было бы даже поверить. Но султан считал себя очень умным человеком, способным вывести любого лжеца на чистую воду. Именно сейчас он и собирался использовать это своё умение.

— Вы подтверждаете его слова? — обратился султан к притихшим казакам. — Вы видели, как этот юноша сокрушил ватагу разбойников?

— Видеть не видели, но так и было, — ответил за всех есаул. — Мы, связанные, лежали в юрте, а бой шёл на улице. Мы слышали крики разбойников, они выли от страха и боли. А из юрты нас вызволил этот казак. Когда мы вышли на свет божий, то увидели кровавый снег и обезглавленные трупы.

— Мы подтверждаем слова Пахомыча, — загудели казаки. — Больше пяти десятков трупов насчитали мы, и, акромья Николки, женщин и детей, больше никого в ауле не было!

— Вы что, договорились дружно лгать мне?! — воскликнул султан возмущённо. — Вы считаете меня настолько глупым, что я

могу поверить в такое враньё?! — он указал пальцем на ухмыляющегося Николку. — Вы хотите, чтобы я поверил, что этот молодой бездельник смог порубить больше пяти десятков опытных воинов?! Да на нём и царапины нет! Даже если был бы я глуп и поверил в вашу ложь, то почему он невредим?

— И стреляли в меня, и пиками кололи, да увечий мне не нанесли! — рассмеялся Николка. — Сам в толк не возьму, почему, но так всё и было!

С трудом сдерживая клокочущую в нём ярость, бледный как смерть, султан резко взмахнул рукой, и в шатёр вошли несколько вооружённых воинов. Султан хмуро посмотрел на всполошившихся казаков и сквозь зубы спросил:

— Так что, вы позволите испытать на прочность этого юнца? Мне очень хочется поверить, что он говорит правду, и щедро вознаградить его за доблесть.

Казаки промолчали: им нечего было сказать султану. Правитель кочевников взмахнул рукой, и, повинувшись его знаку, один из воинов выхватил из ножен острый кинжал. Резкое движение руки — и остриё коснулось груди Николки. Казаки даже зажмурились, не желая видеть, как из глубокой раны вывалятся окровавленные внутренности. Но случилось то, чего не ожидал никто из присутствующих. Остриё кинжала,

коснувшись мундира Николки, не вошло внутрь, а остановилось, словно наткнулось на непреодолимую преграду. Даже кольчуга не выдержала бы такого страшного удара воина, а вот мундир... На нём не запечатлелось ни прокола, ни вмятинки, ни царапинки!

Султан едва не подпрыгнул на месте от увиденного. Не веря своим глазам, он снова взмахнул рукой...

Другой воин выхватил из ножен саблю и с размаху обрушил её на плечо молодого казака. Удар был настолько силён, что отрубил бы любому другому руку, а от Николки клинок отскочил, как резиновый мячик!

— Ну так что, теперь хотите поглядеть, каков я в бою, великий султан?— расхохотался Николка. — Тогда собирайте на улице всех своих воинов! Для схватки с ними я даже не буду точить свою саблю!

Султан обвёл тяжёлым взглядом хмурые лица казаков и встревоженных воинов и протянул руку к сундуку. Он взял мешочек с золотом и швырнул его Николке.

— Не знаю, как ты всё это проделал, — сказал он, — но уверен, что без колдовства не обошлось. Вот держи награду и уходи из моей ставки. Я не хочу, чтобы здесь появились шайтаны и терзали моих подданных.

В шатре султана Николка не чувствовал ни страха, ни угрызений

совести, ни даже уважения к правителю кочевников. Слова вырывались у него сами собой. Думал он одно, а язык говорил другое. А когда султан вознаградил его и приказал убираться, Николка лишь улыбнулся, словно ожидал этого.

После того как Николка ушёл, дерзко поговорив с султаном, казаки тоже покинули шатёр.

— Он, верно, с ума сошёл, — сказал есаул, когда они оказались на улице. — Изменился прямо на глазах, братья. Был трусливым никчёмным стригунком, а теперь так и прёт из него гордыня.

— Прав султан: не обошлось тут без колдовства, — сказал один казак. — Николку прямо не узнать. Сами все зрили, что ни кинжал не проткнул мундир его, ни сабля не повредила. А стражник ведь сплеча рубил, без баловства, на совесть!

— Султан вон избавиться поспешил от Николки нашего, — сказал другой. — Не хочет колдовство подле себя терпеть. А куда теперь поедет стригунок наш? Ясное дело, в станицу — и зло колдовское туда с собой привезёт. Может, и не виноват он, что с нечистым сдружился, но... Я мыслю так, братья: нельзя допускать его в станицу. Смекаете?

— А делать-то что, кто мне скажет? — обратился к казакам есаул. — Ни сабля, ни кинжал его не

берут! Он в мундире своём, как в кольчуге! Признаюсь честно, станичники: боюсь я его. Я заодно с султаном вздохну спокойно, когда черти унесут Николку куда подальше из ставки.

— Слышь, братья, а давайте к ведунье здешней сходим! — предложил кто-то. — Может, совет какой путный даст? Я слыхал, что султан уважает её и слушается, будто мать родную.

Ведунья встретила их, сидя у очага и помешивая в котелке кипящую, дурно пахнущую жидкость. Она и бровью не повела, когда есаул заглянул в юрту и попросил разрешения принять их и выслушать.

— Заходите, раз пришли, — процедила сквозь зубы старуха. — Знаю, о чём просить хотите, но не могу помочь вам.

— Помочь? В чём? — опешил есаул. — Я ведь покуда не просил ни о чём.

— Не просил, так собирался, — приподняла голову ведунья, и есаул ужаснулся, увидев её уродливое лицо.

Сняв шапку, он стоял в замешательстве, не зная, что сказать. А старуха отложила в сторону половник, взяла из мешочка щепотку сушёной травы и бросила в огонь. Юрта в одну минуту наполнилась тошнотворным запахом. Есаул закашлялся и поспешил к выходу, но надтреснутый голос ведуньи остановил его.

— Ваш юнец не колдун, — сказала она, с наслаждением вдыхая отвратительный запах, исходящий из котелка, задерживая его некоторое время в себе и медленно выдыхая. — Он жертва... Его заманила в свои сети ведьма из призрачного хутора. Он и сам не знает об этом...

— Так уж и не знает? — усомнился есаул, оборачиваясь. — Да он...

— Не рассказывай, помолчи, — хмыкнула старуха. — Он орудие в руках ведьмы, и она защищает его.

— Вот дела! — усаживаясь на подушку, сказал есаул. — А что это за хутор призрачный, в котором ведьма живёт? Ты знаешь, где найти его?

— Нет, не найдёте, нет, — покачала головой старуха. — Никто не знает, где этот проклятый хутор. Его находит тот, кому сама ведьма дорогу укажет и к себе призовёт!

— Тогда почему она выбрала юнца нашего, а не кого-нибудь из нас? — спросил есаул. — Чем он мог ей приглянуться, не знаешь?

— Знаю, — ответила колдунья, вдыхая и выдыхая едкий пар. — Вы, казаки, люди крепкие, сильные и закалённые воины. Вас так просто не согнуть... А вот юнец ваш душою слаб, безволен и труслив. Он не может сопротивляться чарам ведьмы, и потому она остановила на нём свой выбор.

— Выходит, до ведьмы нам не добраться? — вздохнул есаул. — А с Николкой что делать? Мы боимся его в станицу отпустить: кабы он чего худого там не натворил.

— Ваши опасения не напрасны, — пробубнила, вдыхая полной грудью пар, старуха. — Ваш юнец сейчас страшнее сотни зверей лютых. Его нельзя живым отпустить. Даже страшно подумать, сколько он может причинить людям бед, горя и страданий. Сначала он не будет знать, что творит, а потом войдёт во вкус, и его уже больше ничто не остановит!

— Так что же делать нам, подкажи, — взмолился, чуть не плача, есаул. — Как нам остановить его, присоветуй.

Прежде чем ответить, ведунья достала из мешочка ещё щепотку травы и снова бросила её в огонь.

— Здесь, в ставке, вы ничего сделать с ним не сможете, — заговорила она. — Сами ведаете, как он разбойников порубил, а их во много раз было больше, чем вас. Видели, что ни кинжал, ни сабля его не берёт. Поляжете все, если его убить замыслите. Он непобедим и неуязвим, пока ведьма берёт его.

— Но... Как она может оберегать его? — всё ещё недоумевал есаул. — Её же нет с ним рядом.

— Эх, пустоголовый, — рассмеялась беззвучно старуха. — Никакие расстояния не преграда для ведьмы, чтобы творить зло! Она может сейчас быть здесь, а

через мгновение — в Хиве или в царском дворце в Петербурге. Да и незачем ей защищать юнца, находясь с ним рядом. Она нарядила его в мундир, обладающий огромной колдовской силой, и он защищает его!

— А если снять с Николки мундир? — насторожился есаул.

— Тогда он станет беззащитным, как дитя, — ответила ведунья. — Но вам не сделать этого. Ведьма надела мундир на стригунка вашего, и лишь она одна может снять его. А теперь ступай, казак, к людям своим. Не обессудь, но мне больше сказать тебе нечего...

Николка вышел из юрты как раз в тот момент, когда казаки оживлённо обсуждали слова ведуньи. Есаул уговаривал их не пороть горячку и отпустить парня с миром, но казаки настаивали на том, чтобы немедленно убить юнца.

— Ещё ведьмаков нам в станице не хватало! — возмутились они. — Никакой спокойной жизни опосля там не будет!

— Я же сказал, что не убить его нам нынче! — упорствовал есаул. — Он под ведьминой защитой и неуязвим для оружия! Даже у ведуньи верного совета для нас не нашлось, как Николку изничтожить!

— А давайте в степи засаду ему устроим! — предложил кто-то.

— Обложим как зверя, а потом сожжём! Я слышал, в других государствах с ведьмами и ведьмаками эдак поступают. Привяжут на площади к столбу, обложат хворостом и жгут при всём честном народе!

— Что-то мне ведунья про это ничего не сказывала, — призадумался есаул. — А не начнёт нам мстить ведьма опосля за Николку?

— Пуцай только попробует, злыдня чёртова! — загудели воинственно казаки. — Мы и её на костер спровадим и дотла сожжём! Не мы должны нечисти бояться, а она трепетать, нас завидя! Казаки мы или кто? Да мы сообща огого! Да мы...

— Чего вы сообща? — спросил, приближаясь, Николка. — Вы что, меня провожать собрались сообща, станичники, или выпроваживать?

Казаки встретили его угрюмым молчанием и даже отвернулись, демонстрируя враждебность. Николка сразу догадался, что «братья» замышляют недоброе, но не испугался, а ухмыльнулся.

— Это ваша благодарность за спасение? — сказал он. — Ну так что ж, от добра добра не ищут. — Он посмотрел на коней в загоне и спросил: — А мой вороной где? Или вы на него тоже обиду затаили?

— Твой конь в стойле стоит, — сказал есаул, уводя взгляд в сторону. — Он ещё с вечера

прихворнул, вот мы и загнали его в сарай, отделив от остальных.

— Что ж, пойду выведу, — вздохнул Николка. — А за заботу спасибочки, станичники. На нём мне ещё долго ехать предстоит...

Он вошёл в сарай и замер. Конь лежал на земле и не подавал признаков жизни. От него исходил такой мерзкий запах, что вошедшие следом казаки поспешили закрыть лица рукавицами и бросились вон.

Николка присел перед трупом на корточки:

— А ведь ты ещё вчера жив и здоров был, товарищ мой верный. Не знаю, кого и винить в смерти твоей...

— Казаки, затворяй ворота! — закричал кто-то с улицы. — Пуцай ведьмак здесь издыхает сообща с животиной своей проклятой!

Николка вскочил и поспешил к выходу, но дверь сарая закрылась перед его носом. Затем её придавили снаружи чем-то тяжёлым...

Сляпанный казаками из самана, обмазанный глиной и накрытый сверху камышом сарай загорелся быстро. Но вдруг подпёртая бревном дверь распахнулась, и в проёме появился Николка. Пылая, как факел, он остановился и замер, смотря на казаков страшным взглядом. И они застыли, глядя на него и видя, что его губы шевелятся. Казаки затрепетали от

ужаса. Большинство из них были уверены, что сейчас объятый пламенем Николка упадёт, затихнет и рассыплется в прах, однако... Выхватив пашку, он двинулся на них. Казаки попятились, но есаул выступил вперёд, и все увидели в руке его пашку, а в глазах — твёрдость и решимость.

Оказавшись запертым в сарае, Николка очень испугался. В чувство его привел запах дыма, который вползал через щели в стенах. Со слезящимися глазами, задыхаясь, он метался по объятому пламенем помещению, а вокруг него с треском рассыпались искры.

Всё закружилось у него перед глазами. С трудом удержавшись на ногах, Николка стал продвигаться к выходу. Вокруг зловец смякалась стена огня, но он не чувствовал боли.

Ударом ноги он выбил дверь и замер в проёме. Казаки остолбенели при его появлении.

— Вы предали меня, земляки! — закричал хриплым срывающимся голосом Николка. — По-воровски убиваете меня, загнав в ловушку, как крысу! А мне нужно искупление! Я проклинаю всех вас! Всех до единого!

Выхватив пашку, он двинулся на своих товарищей, даже не замечая, что сам горит ярче, чем сарай за его спиной. Николка с безумной усмешкой наблюдал, как пятятся в ужасе казаки, даже не

пытаясь вынуть из ножен пашку для защиты. Первым остановился есаул, угрожающе взмахнул пашкой и ждал, когда Николка приблизится. Поражённый, он уставился на объятые огнём чудовище, которое и не думало превращаться в пепел. Тогда, чтобы подбодрить себя, он ещё раз взмахнул пашкой и, едва живой от страха, сам сделал шаг ему навстречу. Пашка отпружинила от мундира Николки, не причинив никакого вреда. Дико захохотав, парень схватил есаула, как пушинку, оторвал от земли и обрушил на землю с такой силой, что тот сразу испустил дух. Затем Николка схватил следующего отважившегося встать у него поперёк пути казака, да так крепко, что у того хрустнула шея. Он поднял тело несчастного над головой и с силой швырнул его в толпу своих бывших братьев. Растеряв от леденящего кровь зрелища всю свою храбрость, они бросились бежать врассыпную кто куда, а горящее чудовище преследовало их, настигая и обезглавливая, будто были то не бывалые воины, а маленькие беспомощные дети.

— О мой Николаша! — воскликнула женщина. — Ты мой герой! Теперь я самая счастливая на свете!

У Николки не было сил вымолвить даже слово: он испытывал необыкновенное смущение.

Красавица расстегнула на мундире пуговицы и легко сняла его с Николкиных плеч.

— Как у тебя это получилось?! — обрадовался он.

— Очень легко, — улыбнулась она. — Я подарила тебе мундир, я надела его на тебя, и только я могу снять его.

Девушка провела ладонями по телу Николки, и он едва не задохнулся от счастья, охватившего его. От ладошек красавицы исходили невероятная сила и волнующая энергия, которым казак был не в состоянии противостоять. И тут она спросила вкрадчиво и нежно:

— Как ты себя чувствуешь, милый?

— Я? Чувствую замечательно, — ответил Николка, ощупывая себя. — Руки-ноги целы, лицо тоже прежнее. Скажи, это ты так быстро вылечила меня?

— Видел бы ты себя ещё вчера, — проворковала красавица. — Ни лица, ни рук. Одни головешки. Ты помнишь, что казаки жгли тебя заживо?

— Помню, — хмуро буркнул Николка. — Всё как в страшном сне было. Видел себя огнём объатым и... Страшно вспомнить. Я будто бы казаков, братьев своих, рубил шашкой не жалеючи.

— Забудь про то. Мало ли что приснится, — улыбнулась красавица. — Ты думай обо мне, герой мой ненаглядный, и я осчастливлю тебя. Скажи, ты хочешь этого?

— Нет, мне хватит того счастья, что ты рядом, — прошептал, задыхаясь, Николка. — Ты кто — мой ангел-хранитель? Почто эдак печёшься обо мне?

— Не спрашивай, а радуйся моей заботе, — усмехнулась женщина.

— Тогда кто ты? Скажи мне!

— Я ведьма, — ответила красавица. — Неужели ты всё ещё не догадался, кто я есть на самом деле?

— Ты... — молодой казак не успел произнести того, что собирался. Красавица закрыла ему рот долгим поцелуем. А когда он вновь обрёл способность говорить, мыслей в голове уже не осталось.

Непрерывные выюги и бураны превратили степь в бескрайнюю снежную равнину. Николка скакал, не жалея коня. Снег, доходящий чуть ли не до брюха крепкого животного, отнимал силы даже у него. Любой другой конь, пускай самый выносливый, уже давно бы издох от изнеможения, но тот, на котором скакал Николка, был словно выкован из железа. Откуда он у него, Николка не помнил, откуда скачет — тоже. Одно знал казак: едет он в родную станицу, до которой добираться оставалось уже недолго.

Три дня провёл он в седле, останавливаясь, чтобы лишь перекусить и покормить коня. Долг и труден был путь до дома,

но Николка преодолел его легко. Вихрем промчавшись по станице, он остановил коня около родной избы. Николка не успел сделать и шагу, как услышал окрик:

— Эй, казак, уж не к нам ли ты пожаловал?

— Отец, ты? — спросил он, приближаясь.

— Смотри для кого, — ответил мужчина, всматриваясь в лицо гостя. — Все детки мои дома нынче, а младшенький далеко отсюда, на службе у султана пребывает. Так что...

— Отец, это я, Николка! — воскликнул радостно молодой казак. — Всё, отслужил я у султана, а теперь вот домой возвратился!

— Сыно-ок?! Ты-ы?!

Николка бросился к отцу, широко раскинув руки для объятий.

— Ох, сынок, как я рад твоему возвращению! Слава богу, ты жив и здоров!

Отец оторвался от Николки и осмотрел его ладную крепкую фигуру.

— Ого-го, да на тебе тулуп новёхонький и шашка дорогущая! Ай да сынок! Ай да молодец! А конь-то какой справный! Я отродясь не видывал эдакой животины!

В обнимку с сыном старый казак вошёл в избы.

— Мать, накрывай на стол, поскрёбьши наш вернулся! — закричал он от порога. — Я покуда коня его пристрою и корму задам!

Отец вышел, а Николка снял с головы шапку и, прежде чем

заклечь в объятия плачущую от счастья мать, посмотрел на образа в переднем углу. Он поднял руку, чтобы перекреститься, и тут... Рука зависла перед лицом и перестала шевелиться, а глаза застлала пелена, как будто в них попала пыль во время степной бури. Не успел Николка подумать, что произошло, как плачущая мать повисла у него на шее.

Когда отец вернулся, мать и сын всё ещё стояли в обнимку.

— Ну, чего это вы? — выкрикнул он недовольно. — Марфа, ты дай раздеться поскрёбьшу своему да стол накрывай! Чай, последний час видитесь!

— Ой, чего это я? — встрепенулась женщина и поспешила к столу. — Ты, сыночек, раздевайся покуда, а я сейчас приготовлю всё. Умаялся с дороги-то дальней?

— Да ничуть не бывало, — бодро ответил Николка. — Я же на коне по степи ехал, а не он на мне!

Когда Николка сбросил с себя тулуп и разулся, мать всплеснула руками и присела на стул, а отец...

— Ну и ну! — покачал одобрительно головой старый казак, с восхищением глядя на сына. — А мундир-то на тебе ого-го какой! Как у генерала или как у самого министра придворного! Где ж ты раздобыл эдакий, сынок? Уж не султан ли расщедрился и вознаградил себя чудом эдаким?

— Ведьма подарила, — ответил Николка и тут же содрогнулся

от собственных слов. Он вдруг вспомнил ночь, проведённую неизвестно где с красивой женщиной, которая то ли в шутку, то ли всерьёз называла себя ведьмой.

Отец и мать, услышав слова сына, тут же закрестились, глядя на образа, а Николка зло ухмыльнулся:

— Да не слушайте вы меня, пошутил я.

— Грех большой эдак шутковать, сынок, — посмотрел на него с укором отец. — Никогда не поминай ведьму, грех это! Не приведи господи, она к тебе привяжется, тогда и нам несдобровать, и станице всей!

— Да это я так, не думая, болтнул, — покраснел смущённо Николка. — Где взял мундир, опосля обскажу, а сейчас за стол сажайте, родители мои ненаглядные. Мочи нет, как жрать хочу. Всё, чем угощать будете, проглотчу без остатка!

Первую половину дня Николка ходил как в воду опущенный. Он с трудом улыбался родителям и вяло, с неохотой отвечал на их вопросы. Лишь в полдень, когда в избе стали собираться гости, Николка немного отошёл от гнетущих его мыслей.

Отпраздновать возвращение Владыкина-младшего собралась вся многочисленная родня. Все как один подмечали, что Николка возмужал на службе, и особенно восторгались его мундиром.

— Где ж раздобыл эдакий? — интересовались с завистью мужчины.

— Из какой чудной ткани тебе пошили его? — вопрошали женщины.

— Опосля расскажу, — уклонялся от ответов Николка. — Разве вы нынче для того сюда пожаловали, чтобы меня разглядывать и вопросами засыпать?

Вскоре подвыпившие родственники избавили молодого казака от необходимости поддерживать беседу. Гости без умолку пересказывали друг другу любопытные истории да травили казачьи байки. Мысли Николки в это время витали далеко.

— Да-а, — сказал дядька Никифор, продолжая разговор, — акромья случая, который я вам поведал, был другой, ещё более мудрёный.

И дядька рассказал удивительную историю, которая заинтересовала всех, но особенно Николку.

— Случилось это в 1812 году, как сейчас помню, — начал он задумчиво. — Тогда император французский Наполеон Бонапарт с войной на нашу землю явился. Бои были страшные, как на духу скажу вам, братцы, и всё с переменным успехом. То французы нам по шеям надают, то мы им задницы надерём. Так вот, в одном из полков казачьих служил Авдей Кульков. Казаки, знавшие его, сказывали, что красивше его сыскать трудно было. И добродушнее его на свете не

было. И в бою он завсегда первым был. Рубил ворогов, как косою выкашивал. И, что самое антересное, братцы, ни пули, ни сабли вражеские его не брали! Другие, что рядом, скопом гибли, а ему хоть бы что, возвращался всегда из боя без единой царапины! Французы его запомнили. Как только Авдей выскакивал вперёд в мундире своём приметном, так они разворачивали коней — и в тыл свой галопом. Знали, что спасенья от него не будет!

— Скажи, дядька, а почему ты про мундир вспомнил? — перебил его Николка. — Он что, и зимой в лютые морозы в мундире на врагов шёл?

— Именно эдак и было, — кивнул утвердительно дядька. — Перед боем тулупчик с плеч сбрасывал — и с пашкой наголо вперёд! Казаки сказывали, что заговорённый тот мундирчик был! Авдейка никогда его не снимал: ни днём, ни ночью. А ещё сказывали казаки, что ведьма на него тот мундирчик надела. Авдейка в самый раз при ней в полюбовниках состоял!

— И что же с ним случилось? — поинтересовался кто-то из родственников. — Поди, всю грудь орденами ему увешали за доблесть шальную?

— Не тут-то было, — вздохнул дядька. — Ни с того ни с сего Авдейка как в воду канул! Не осталось и следочка. И никто сказать не мог, куда запропастился.

Вернулся он домой, в станицу свою, а там мор случился. За год, почитай, а может, и меньше, страшная болезнь покосила всех от мала до велика!

— И что, совсем никого не осталось? — всхлипнула жена старшего брата Николки Марья.

— Нет, никого, все померли, — ответил дядька. — Так мне казаки сказывали. Хотя... Нашли там старика какого-то дряхлого, но он пришлый был, бродяга. Как в станицу забрёл, не помнил. Вскоре, неделку спустя, тоже преставился. Волком выл, умирая, а имя Господа ни разу не выговорил. Всё Пистимею какую-то проклинал. Когда помер он, изо рта жижка чёрная, вонючая выпла. С ведро, не меньше, казаки сказывали! А глаза из глазниц повывлазили и опосля лопнули. От как...

Поздно вечером, вволю нагулявшись и повеселившись, родственники разошлись по домам. Оставшись наедине с родителями, Николка сказал:

— В станице можно мне избу купить справную? Хочу, как братья и сёстры, отдельно от вас жить!

— Да ты что, сынок, ополоумел, что ли? — удивились родители. — Дак ты ведь поскрёбьши наш и должен под одной крышей с нами проживать.

— Я приходить и подсоблять буду, — заупрямился Николка. — А ещё жениться я хочу, время пришло, так ведь?

— Пришло-то оно пришло, — вздохнул отец. — А вот избу справную купить не можем мы. Невелик наш достаток, сынок, сам ведь знаешь.

— Ничего, я заплачу за избу, — зло осклабился Николка, опуская руку в правый карман мундира и нащупывая в нём тугой кошель султана. — Я могу любую избу купить и сполна заплатить готов!

Громко захохотав, он извлёк из кармана кошель и бросил его на стол. Родители лишились дара речи: за всю жизнь они не видели такого богатства. Глядя на их вытянувшиеся лица, Николка снова опустил руку в карман и едва не упал от изумления, нащупав ещё один кошель, раза в два больше прежнего...

Половину ночи Николка провёл без сна. Пробуждение было тяжёлым. Николка долго лежал в кровати, боясь открыть глаза. Сердце сжималось от страха, когда он думал о кошмаре, который ему приснился ночью. К кровати подошла мать и коснулась его плеча.

— Сынок, Николка, ты ещё спишь?

— Нет, — ответил он, с усилием открывая глаза. — Я встаю, готовь завтрак, мама...

Горящая изба растворилась с остатками сна. Николка увидел свою саблю на стене и вздохнул

с облегчением. Отец, сидя у окна, с озабоченным лицом подшивал валенки и бросал на сына косые взгляды.

Вставая, Николка зажмурился, и на мгновение к нему вернулись прежние страхи. Пожар, безумный танец зловецей старухи и необъяснимый ужас, сметающий всё на своём пути.

— Ты чего это, сынок, уже вторую ночь в мундире своём спишь? — спросил отец. — Боишься, что украдём твои деньжищи?

Николка с недоумением посмотрел на родителя.

— С чего ты это взял? — спросил он. — Я и в мыслях не держал ничего подобного.

— Тогда объясни нам с матерью, почто поступаешь эдак.

— Привычка у меня такая, на службе у султана приобретённая, — солгал Николка, даже не почувствовав укора совести. — Мы ведь там всегда в одежке спали, спасаясь от холода.

— Ничего, всё сгладится, — вздохнул отец удовлетворённо. — Нынче баньку справим, и я тебя там так отхлыщущу веничком, что все причуды твои враз выветрятся с паром из головы!

— Банька? — ужаснулся Николка. — А разве я просил баньку топить? Я...

— Эй, чего ты? — нахмурился отец. — Как мне помнится, ты всегда любил мыться и париться. Вы что там, у султана, мало того

мёрзли, так ещё и в баньке не мылись?

— Да ты что, папа, мылись, конечно, — заставил себя улыбнуться Николка. — И банька там у нас была. Невелика, конечно, но справная...

— Ну, уж не справней нашей, — отставляя в сторону подшитый валенок, усмехнулся отец. — Сейчас отведём черёд утренней трапезы, ходим в церковь на службу, а когда возвратимся, так и пойдём в баньку разговляться!

«Час от часу не легче, — подумал озлобленно Николка. — И в баню мне нельзя с отцом идти, и в церковь тоже. В бане я мундир снять с себя не смогу, а в церкви... А в церкви вдруг не смогу руку поднять, чтобы перекреститься?»

— Айдайте к столу, ребята, — позвала мать. — Самовар уже поспел, и яичница с салом и луком пожарена!

Завтракали молча. В казачьих семьях не было принято болтать за столом по пустякам, иначе считалось, что «чёрт мог в рот залезть».

— А почему ты, сынок, перед тем как сесть за стол и пищу вкушать, на образа не взглянул и не перекрестился? — не унимался отец.

— Сам не знаю, — солгал Николка. — Мы у султана...

— Ты мне это брось! — грозно гаркнул отец и громыхнул кулаком по столу. — Вы там, в степи,

как погляжу, совсем избаловались! Может, ты ещё и веру магометанскую принял?

— Нет, не принял, — опуская глаза и заливаясь краской, ответил Николка. — А за проступок прости, не подумавши я поступил эдак.

— То-то, — смягчился отец, — отвыкай от привычек грешных. А теперь вставай, сынок, в церковь пора. Нечего рассиживаться, когда целый воз дел у нас...

Когда отец с Николкой вошли в забитую до отказа станичную церковь, утренняя служба только начиналась. Батюшка проводил обряд богослужения проникновенно, с достойной простотой. Его проповедь вдохновляла и задевала прихожан за живое. Люди внимали безмолвно, с блеском в глазах. А вот Николка слушал священника со злобой, даже с негодованием, в ярости раздувая ноздри, шаркая подошвами и часто меняя позу, что свидетельствовало о смятии духа и о неприятии слова Божьего.

Батюшка почувствовал на себе тяжёлый взгляд Николки и во время причастия окропил молодого казака святой водой. И тут... Изменившись в лице, Николка вдруг закричал, как помешанный. Он сбросил с себя тулуп, и толпа прихожан ахнула, увидев, как красивый мундир на его теле стал

шипеть и расползаться по швам, будто на него вылили ушат кислоты. Ткань чернела, на ней, будто язвы на теле, стали появляться дыры. Смрадный запах заполнил церковь. Зажимая рты и носы, кашляя и чихая, люди поспешили к выходу.

Вскоре в церкви остались поп и отец Николки. Поражённый больше всех, старый казак словно прирос к месту.

— Господи, чего это с ним? — прошептал он. — Что творится с моим сыном, батюшка? Объясни мне.

— Это уже не твой сын, — сказал поп, дрожа и стуча от страха зубами. — Это одержимый бесами отступник или, что хуже всего, он сам...

Не договорив, батюшка закашлялся и повалился на пол. Дёргаясь в конвульсиях, вытаращив глаза и задыхаясь, он хотел сказать что-то ещё, но... По его телу пробежала сильная судорога, скрутив его до неузнаваемости, и он замер, испутив дух.

Отец встал на колени и попытался помочь несчастному.

— Не тронь его, он подох, — сказал вдруг Николка скрипучим старушечьим голосом. — А ещё заразный он...

— Свят, свят, свят, — закричал старый казак. — Господи, уж не привиделось ли мне это? — прошептал он и перевёл взгляд на Николку. — Сынок...

Но Николки рядом не было: он сбежал...

Станица бурлила: казаки, оказавшись вне церковных стен, дали волю гневу. Отец Николки молча ушёл домой и долго сидел в оцепенении, не в состоянии сойтись с мыслями.

Казаки с удивлением и озлоблением обсуждали происшедшее.

— А Николка-то ведьмаком оказался! — горланили одни. — Видали, что с ним стало, когда его батюшка святой водицей окропил?

— А с батюшкой видали, что стало? — вторили им другие. — Николка-аспид как зыркнул на него своими глазницами, так он зараз и преставился! И чего нам теперь ожидать, станичники? Что и нас ведьмак следом за батюшкой со свету сживёт?

— Сжечь Николку и избу его! — предлагали третьи. — Или пуцай убирается из станицы куда подальше, ежели выживет! Нету ему места среди нас, люди добрые!

Казаки кричали и спорили до полудня, но так и не решили, что им делать и как поступить. И тогда слово взял атаман.

— Негоже эдак поступать, как вы хотите, станичники! — крикнул он, и все в ожидании замолчали. — Ежели Николка в чём и повинен, то родители его и родные здесь вовсе ни при чём! Уходя на службу, Николка был правильным, богопослушным казаком, и все вы это знаете! А вот от султана

он вернулся... Все нынче видели, каков он теперь! Там, в степи, с ним вместе ещё двадцать казаков из других станиц и хуторов служили по приказу губернатора. Так что, они все эдакими стали, как Николка наш?

— А нам до них какое дело? — загудели казаки. — Нам вон нашего ведьмака хватает! Знать не знаем, что делать теперь.

— Не будем ему покуда зла чинить, пуцай уезжает! — выкрикнул атаман. — Ведьмаков не так-то просто убить, а вот ежели он обозлится на нас, то может всем не поздоровиться! Не знаю, как вы, а я эдак мыслю, станичники!

— Дык он эдак просто не уйдёт! — зашумели казаки, и площадь у церкви стала похожа на встревоженный улей. — Подскажи, атаман, как мы выселить его сможем, ежели сердить его тобой не велено, а?!

— Покуда и сам не ведаю, — вздохнул тот. — Давайте спервоначалу батюшку схороним, а там видать будет. А покуда запрещаю всем пускать Николку на двор! Под любым предлогом отказывайте, но не злите и не сердите!

Николке удалось выскользнуть из церкви незамеченным. Не раздумывая, он бросился бежать в сторону леса. Голова ничего не соображала, чудовищный страх спутал и смял все мысли. Остановился он, лишь когда перестали

слушаться ноги. Стоя по пояс в снегу, казак отдышался, оцупал себя и усмехнулся. Расползшийся в церкви мундир был теперь в порядке и выглядел как новенький.

«Живы будем — не помрём!» — подумал с усмешкой Николка и оцупил, что ни раскаяния, ни сожаления в душе нету. Потраченные на бег по глубокому снегу силы восстановились быстро. И он продолжил свой путь по лесу, не сомневаясь, что идёт в правильном направлении. Пока он шагал, сгустились сумерки. И вдруг прямо перед собой он увидел обнесённую высоким забором избу. А вокруг — звенящая тишина, ни звука, ни огонька, ничего...

Сердце Николки радостно забилося, мысли в голове упорядочились. Небо над головой заволкло тяжёлыми тучами. Утопая по грудь в глубоком снегу, казак пробирался вперёд, чувствуя, как с каждым шагом тают силы и исчезает решимость.

И вот когда до избы осталось совсем немного, рядом прозвучал леденящий душу вой. Едва сознавая, что делает, Николка устремился вперёд. Плотно сжатые губы не пускали рвавшийся из горла крик. Задыхаясь, он упорно пробивался вперёд.

Волк завыл прямо за спиной, когда Николка добрался до ворот и схватился рукой за калитку. Челюсти зверя вцепились в его ногу, и казак едва удержался от падения, с трудом сохранив

равновесие. Вдруг калитка открылась, кто-то вышел со двора, ударом клюки отогнал волка и, развернувшись, зашагал в сторону крыльца. Николке ничего не оставалось, как последовать за ним. Только в передней он смог разглядеть своего спасителя. И вздрогнул, увидев перед собой старуху с безобразным лицом. Когда она сбросила платок, Николка ужаснулся ещё больше, узрев свалывшуюся, как пакля, копну седых волос. Старуха выпрямилась, насколько позволила ей согнутая спина, и посмотрела в лицо казака горящими, как угли, глазами.

«Господи, — подумал Николка, будучи не в силах отвести взгляд. — Морда не призрака и вроде как не мертвеца, но и не человека. Знал бы, кто здесь меня встретит, уж лучше бы замёрз в лесу или у забора этого чёртова хутора...»

Потрясение было невероятным. Ужасное лицо старухи, искажённое пламенем свечи, завывание волка за окном, мундир на теле и неистово бьющееся под ним сердце. Николка зажмурился, ожидая, что наваждение бесследно исчезнет. Но...

— Разувайся, раздевайся и проходи, — отрывисто прохрипела старуха, будто пролаяла. — Та, к кому ты пожаловал, уже спит сладким сном.

— Ты говоришь про Пистимею? — вздохнул с облегчением Николка.

— О ней, голубушке, о ком же ещё? — проскрипела старуха. — Спать ляжешь на полу у печи. Будет тепло, не сомневайся...

Она поставила свечу на стол, после чего достала чугунок с варёной картошкой и кусок хлеба.

— Давай-ка мундир твой с тебя сниму, — сказала старуха, приближаясь к Николке. — Не бойсь, у меня получится, и ты отдохнёшь от него.

— Что ж, попробуй, — недоверчиво глянул он на неё. — Только Пистимея...

Николка замолчал и замер, когда старуха легко расстегнула пуговицы и сняла с него мундир. Затем она медленно прошествовала в другую комнату и закрыла за собою дверь. Ещё некоторое время Николка стоял, не двигаясь с места. Тысячи мучительных вопросов роились в мозгу, и ответа у него не было ни на один. Усилием воли он отбросил тягостные размышления и прошёл к столу. Поев и попив, улёгся на указанное старухой место, закрыл глаза... Провалившись в сон, как в бездонную яму, он не слышал, как затряслась изба от яростных, леденящих кровь воплей ведьмы, а сама она в его мундире стала носиться по стенам, по полу и потолку.

Болезнь пришла в станицу внезапно. У людей начались сильная головная боль, головокружение, тошнота и рвота. Они

уверяли тех, кто ещё был здоров, что видели всадника в мундире, который заходил ночью к ним в избу и заставлял смотреть ему в глаза. Своим появлением он наводил такой ужас, что не подчиниться его требованиям было невозможно. Посмотрев в глаза каждому огненным взглядом, всадник уходил из избы. А наутро на телах хозяев появлялись красные пятна, которые через час превращались в пузырьки, наполненные кровавым гноем. К утру они лопались, и на их месте образовывались язвы. Станичники умирали один за другим...

На четвёртый день после трагического случая в церкви Николкин отец сидел за столом в избе. «Как сквозь землю провалился, стервец, — думал он о сыне, скрежеща зубами. — Чего теперь ждать от нечестивца? Кто мог подумать, когда уезжал он в степь к султану, что вернётся обратно врагом рода человеческого? Ведь надо убить его, но как? Разве поднимется у меня рука на родного сына?»

Сомнения одолевали старого казака. Он всячески пытался оправдать сына в собственных глазах, но то, что произошло, было настолько очевидным, что нельзя было не признать: его поскрёбьши Николка связался с нечистой силой!

Распахнулась дверь, и в избу стремительно вошли сыновья.

— Знал бы ты, отец, что в станице творится, — сказал средний, сжимая кулаки. — Казаки и казаки будто все разом ополоумели! Собрались зараз у церкви и галдят, что Николка наш — ведьмак и привёз для станицы погибель из степи! А ещё кричат, что Николка в мундире ногами по станице на коне своём верхом разъезжает! В избы, не спросясь, вламывается и требует, чтобы хозяева ему в глаза глядели, а опосля уходит!

— Все, к кому заходил он, зараз и захворали, — продолжил старший. — Не знаю, что и думать. Станичники все как один в эту дурь верят!

Отец окинул лица сыновей хмурым взглядом:

— Угомонитесь и говорите по порядку. То, что вы сказали, я услышал, а теперь понять хочу и осмыслить.

— Нынче утром, — начал средний, — мы с братом в лавку пошли. Купили что надо и пошли обратно, а тут... Глядим, у церкви толпа большая. Мы подумали, что попа собрались хоронить, подошли, а они...

— Увидев нас, чёртовы бабы завизжали, как проклятые, и прямо на нас двинулись, — продолжил старший. — А за ними и казаки увязались. Тогда мы поняли, что несдобровать нам, вот и поспешили скорей, покуда бока не наломали.

— А я сначала поговорить с казаками собирался, — снова заговорил средний. — Да бабы

озверели ещё пуще казаков. «Вот они, братья ведьмака проклятушного! — вопят. — Это их Николка хворь в нашу станицу привёз! Убить их всех! Под корень уничтожить!» Хорошо я нагайку прихватил с собой. Одну оттянул вдоль спины, вторую. Они сперва отступили, но потом...

— Казаки изначально не вмешивались, за бабами наблюдали, — продолжил старший. — Но их тоже кто-то подзадорил. «Станичники! — закричал кто-то из-за спин. — Мрём как мухи все мы! И молодые, и старые, и взрослые, и дети! И хворь-то невиданная: нынче здоров, а завтра мертвяк! Это поветрие из степи, станичники! Не остановим ведьмака — дык подчистую всех изведёт, злыдень!»

— «Ежели Николку в том видите, так с него и спрос чините!» — я им кричу, — заговорил старший. — «После всего, что в церкви стряслось, он теперь у нас ломоть отрезанный! А вот чего вы к нам цепляетесь огульно? Мы эдак же верим в Господа Бога и Святую Троицу, как и все вы!» Казалось бы, всё, поутихли станичники. Орать перестали, начали перешёптываться. И вот тебе на, принесла нелёгкая ещё одну курву, прости господи. Откуда-то Акулинка объявилась, что в избе крайней живёт, у околицы. Так вот как закричит она, что брательник наш Николка окаянный будто бы сыночка её

умертвил! И тут началось! Толпа будто разом спятила! Стеной двинулись на нас — мы едва ноги унесли. Не ровен час, сюда все заявятся, что делать будем тогда? Что с нами будет?

Братья замолчали, во все глаза глядя на отца и ожидая его мудрого решения. Старый казак некоторое время сидел в глубокой задумчивости, а потом сказал:

— Правы люди, затаив зло на нас, сынки... Не в себе они после всего, что случилось. Николка — мой сын и ваш брат едиnorodный, из чего следует, что хочешь не хочешь, а мы все за него отвечать должны!

— Мы? За него? Чего ради? — выпучили глаза братья.

— Так и есть, — вздохнул старший казак. — Давайте обмозгуем, как остановить его, злыдня нашего. Только я могу убить его и тем положить конец всем его злодеяниям.

Братья в растерянности молча смотрели на отца.

— А теперь слушайте, как мы поступим, сыночки, — продолжил он задумчиво. — Первым делом заманим Николку в избу, а опосля...

Он перешёл на шёпот, чтобы не тревожить и без того убитую горем мать, стонущую за печью. Сыновья придвинулись ближе, чтобы не пропустить ни единого произнесённого отцом слова, и по их напряжённым лицам было видно, что они настроены очень решительно.

Николка с ужасом наблюдал, как ведьма, надев его мундир, мечется по избе от окна к окну, от печи к двери и обратно. Её вопли и завывания были настолько чудовищны, что стыла в жилах кровь и замирало сердце. Он не понимал, почему всё ещё жив. «Я погиб, и душа моя погибла! — думал он в отчаянье. — И мне нечего будет сказать Богу, если он вдруг сжалится надо мной и привлечёт к суду своему страшному и праведному!»

Ведьма вошла в раж: кувыр-калась по полу и ползала по потолку. Николка, едва живой от страха, наблюдал, каким адским торжеством сияли её горящие глаза. У него уши закладывало от злобного хохота. «О-о-о, нет мне спасенья, нет прощенья! — с тоскою думал Николка. — Прощайте, родители, прощайте, все мои родные, прощай, моя жизнь беспутная, прощай!»

Глядя на беснующуюся ведьму, Николка не ощущал течения времени, но чувствовал, что жизнь выходит из него капля за каплей. А чудовище в виде отвратительной старухи будто смакует, растягивает своё удовольствие, вытягивая соки из его тела.

«Господи, сжался, пошли мне смерть, забери отсюда мою душу! — взмолился Николка. — Любую смерть, даже самую лютую, лишь бы не видеть того, что зрят сейчас мои очи!»

— Ах, ты про Бога вспомнил, уродец?! — прочтя его мысли, взвизгнула ведьма. — А для тебя больше нет его! Бог любит не всех, а избранных, и ты в их число не входишь!

«Нет, неправда, — подумал Николка. — Бог милостив и он любит всех чад своих. А что, если мне раскаяться в своих грехах и попросить ускорить мою кончину?»

— Забудь про Бога, слизняк! — тигрицей подскочила к нему ведьма. — Теперь для тебя бог — Сатана, а я богиня!

— Чур меня, адское отродье! — закричал, отпрянув от неё, Николка. — Изничтожил бы тебя, да мочи нету. И как только тебя земля носит, тварь подколодная?! Да ты...

Ведьма сняла с себя мундир, набросила его на Николку и...

— Любимая моя, как ты прекрасна, — забормотал он, протягивая к ней руки.

— Вот так-то оно лучше, — ухмыльнулась ведьма. — Таким ты мне больше нравишься, хотя... Мне ты нравишься и в злобе, когда хулишь меня без мундира. Любая брань, как райское пение, услаждает мои уши!

— Любимая, — прошептал, падая на колени, изменившийся до неузнаваемости Николка, — да я для тебя...

— Пора на коня садиться, — оборвала его грубо ведьма. — Скачи в станицу и навести тех, у кого

ещё не был. Да и к родителям заскочи. Им тоже пора с белым светом прощаться!

— Если хочешь, я изрублю их! — воскликнул воинственно Николка. — Да я ради тебя хоть всю станицу целиком вырежу!

Как всегда, чёрный всадник появился ровно в полночь. Казаки прижимались к плетню и замирали, увидев его. Он вихрем промчался по главной улице станицы и осадил коня у избы Багровых.

— Так и есть, ведьмак пожаловал, — зашептались казаки. — За жизнями Багровых прискакал нынче. Они-то ещё не хворают.

Увидев человека, входящего во двор, собака жалобно завывла и забилась в будку. Ведьмак подошёл к крыльцу и постучал в запертую дверь. Сообразив, что хозяева не собираются ему открывать, он с такой силой ударил по стене, что изба едва не раскатилась по брёвнышкам. Задрав голову, ведьмак испустил душераздирающий вопль, выбежал со двора и вскочил на коня. Пришпорив животное, он поскакал к другой избе. Она тоже оказалась запертой, и это ещё больше разозлило ведьмака. Тогда он поскакал к третьей избе, затем к четвёртой, и везде было одно и то же. По настоянию Николкиного отца ещё не хворые семьи покинули свои избы и заперлись в церкви, отдав себя под защиту Бога.

— Вот теперь он сюда придёт, готовьтесь, казаки! — предупредил притаившихся в засаде станичников Николкин отец. — Больше ему податься нынче некуда, остаётся одна дорога — домой!

— Аж жуть берёт от этого, — зашептались казаки. — Чего он может, мы не знаем, а что сделает — и вовсе невдомёк!

— Поступим, как договаривались, — предупредил напоследок Николкин отец. — Пойдёт в избу — пропускайте, а когда войдёт — всё! Нет выхода ему обратно! Подпирайте дверь снаружи, вставайте у окон с колами осиновыми и рогатинами, костями ложитесь, но ведьмака из избы не выпускайте!

— Дык а ежели не совладаем мы с ним? — засомневались казаки. — Он ведь с нечистью якшается, вдруг она вступится за него?

— Кто сумлевется, уходите, — буркнул недовольно старый казак. — Наше дело — совершить то, что сможем, а что опосля будет, уже на ходу станем обмысливать и соображать!

И вот ведьмак осадил коня у ворот. Он привстал на стременах, покрутил головой и втянул носом воздух.

— Ага, гости в мою избу пожаловали! — прокричал он и захохотал. — А что ж вы за плетнём прячетесь, станичники? Выходите, я жду! Чую, вы не с добром пришли, вы за мной пожаловали.

КазакИ обомлели. Они не ожидали, что ведьмак увидит их, и были настолько растеряны, что не знали, как поступить.

— Вижу, все тут хворые собрались да на ухо тугие к тому ж! — ещё громче захохотал ведьмак. — Мне даже рубить вас интереса нет, скоро сами все передохнете!

Он не спеша слез с коня, подошёл к сеням и, даже не оборачиваясь на притихших казаков, распахнул дверь и вошёл в избу.

Отец из-за приоткрытой двери наблюдал, как Николка оставил коня у ворот и, не сходя с него, разговаривал с казаками. Говорил он громко, и страха в его голосе не слышалось.

— Сейчас он в избу заявится, готовы будьте, — обратился отец к стоявшим сзади сыновьям, поняв, что на помощь казаков рассчитывать уже не приходится. — Как дам знать, так сразу и делайте своё дело.

Сыновья вошли из сеней в избу, а отец наблюдал за Николкой до тех пор, когда тот не сошёл с коня и не зашагал к крыльцу.

— Вот и пришло время нам ведьмака урезонить, Господи, — прошептал старый казак, прикрыв дверь и поспешил в избу. — Сейчас мы прищучим его! Бог даст, вернём назад нашего Николку, а ежели не суждено тому быть, Господь нас простит за гибель его.

Он вбежал в избу и закрыл дверь как раз в тот момент, когда Николка вошёл в сени. Забыв на мгновение, что в избу сейчас войдёт его младший сын, его любимый ребёнок, старый казак готовился к смертельной схватке. Его нерешительность исчезла так же стремительно, как и возникла. Однако он попятился, когда Николка открыл дверь и переступил порог. Сын был без шапки и без тулупа, в одном мундире.

— Милости прошу в избу, сынок, — сказал отец. — Ты как, зашёл навестить нас с матерью, или...

— Я пришёл за вами, — чужим голосом ответил сын.

— Вот как? — с трудом владея собой, произнёс отец. — Ты собираешься лишить нас жизни, сынок?

— Я собираюсь посмотреть в ваши глаза, — ответил угрюмо Николка.

— А если я тебе не позволю сделать это?

— Тогда я зарублю тебя.

Николка схватился за шашку, и в этот момент два старших брата показались из-за печи и тут же набросились на него. С невозмутимым видом без особых усилий Николка раскидал их по избе и ухмыльнулся:

— Собирались затолкать меня в погреб и окропить святой водой? Зря старались, я узнал ваши помыслы, как только вошёл в сени. Вам не одолеть меня!

— Неправда, — сказал отец. — Я легко могу тебя убить, и ты знаешь это!

— Ты? Меня? — Николка расхохотался, но не слишком уверенно. — Интересно, как ты собираешься это сделать?

— А сейчас увидишь! — воскликнул отец по-молодецки. — Только учти: я убиваю ведьмака, засевшего в тебе, а не сына своего Николку! Ну а если вы погибнете оба, то попрошу прощения у Господа за смерть от руки моей любимого сыночка моего!

— Думаю, до этого не дойдёт! — нахмурился Николка, выхватывая из ножен пашку. — Угадай, кто сейчас подохнет: я или ты, старый глупец?

— Ах вот ты как? Торжествуешь, — ухмыльнулся отец. — Тогда берегись! Сынки, остудите его прыть бесовскую, чтобы место своё помнил и не смел на отца родного тявкать!

Как по команде, оба брата громко, во весь голос стали читать молитву «Отче наш». Николка задрожал и опустил руку с пашкой. Было видно, что он ошеломлён и озадачен.

— Вот оно, оружие наше! — закричал отец, торжествуя. — А теперь...

Будто из ниоткуда появились жёны братьев с ковшиками в руках. Не успел Николка опомниться, как они плеснули на его мундир святую воду. Всё произошло так же, как несколько дней назад

в церкви. Мундир стал покрываться дырами и расплзаться по швам на теле Николки.

— Изыди, нечисть, из тела моего сыночка! — закричал отец, хватая со стола большой медный крест и потрясая им над взлохмаченной седой головой. — Это говорит его родитель, который приказывает тебе: изыди!

Читая молитву, братья снова набросились на Николку, а он... Он настолько ослаб, что не мог больше сопротивляться. Братья принялись сдирать с Николки мундир, но тот будто прирос к его телу — шипел, сжимался, но не отлипал.

— Снохи, ещё поливайте его! — закричал отец. — Не жалеите святой водицы, покуда эта бесовская шкура от него не отлипнет!

Братья повалили Николку на пол, заломили ему за спину руки.

Казаки, как только Николка вошёл в избу, остались во дворе и, ни живые ни мёртвые, стали ожидать, что же будет дальше. Они все как один позабыли, что должны помочь отцу ведьмака совершить то, что задумал старый казак.

С вечера ничего не предвещало непогоды, и вдруг поднялась пурга, да какая! Загрохотал гром, чёрную тьму прорезала ослепительная молния, и ветер подул с такой силой, что казаков разметало по всему подворью. Сквозь

шум и вой зимней грозы они услышали душераздирающие вопли, доносящиеся из леса, от реки. В тот же момент над станицей прокатился взрыв злобного хохота. Сбившись в кучу, казаки тревожно озирались. Прежде чем кто-либо успел открыть рот, над двором пронёсся вихрь, захлопали крылья, что-то завывло, застонало... Казаки, перепуганные насмерть, помимо воли бросились вон со двора, а им вслед раздался злобный, торжествующий хохот.

От оглушающего удара грома изба закачалась на месте. Тут же задрожала дверь, точно кто-то могучей рукой потряс её. В сенях что-то упало, зазвенело, из окон стали вылетать стёкла. Буря ревели неистово. Казалось, что дверь слетит с петель, а изба не выдержит и развалится, похоронив всех, кто внутри.

Отец Николки с крестом в руке неподвижно стоял посреди избы. Лицо его светилось верой и решимостью. Его старшие сыновья, не переставая читать молитвы, упорно отдирали куски мундира от тела брата. Мать и жёны братьев, жмурясь от страха и тоже читая молитвы, помогали им, поливая истерзанного до крови Николку святой водой.

Николка вздрогнул и очнулся. Он попытался открыть глаза и пошевелиться, но не смог. «Что

это со мной? — подумал он в отчаянии. — Почему я не могу совладать со своим телом?»

— А вот и Антоновна пожаловала, — услышал он голос старшего брата. — Сейчас она его осмотрит и скажет, что почём!

Николка услышал, как в избу входит местная ведунья и склоняется над ним.

— Свечу поднесите, — сказала она надтреснутым старческим голосом, и Николка содрогнулся, узнав его.

Старуха коснулась его лба, провела по нему корявыми, холодными пальцами и некоторое время разглядывала его лицо.

— Ну что, как он? — послышался голос среднего брата. — Жив или помер?

— Обожди, не распознала ещё, — проскрипела старуха, и Николка ужаснулся, поняв, что рядом вовсе не станичная ведунья Антоновна, а ужасная ведьма Пистимея. Но что-то сделать или предупредить братьев о смертельной опасности он не мог.

— Вы давали ему мой отвар? — спросила ведьма, обращаясь к братьям.

— Да, как ты наказывала, Антоновна, — ответил старший.

— Видать, мало, не помогло, — хмыкнула ведьма, и Николке показалось, что её голос дрогнул от радости. Она осматривала и ощупывала казака хладнокровно, будто умершего, щипала, тискала и даже колола чем-то острым.

— Всё. Он помер! — вдруг объявила ведьма громко. — Готовьтесь к похоронам, вот что я скажу вам.

«Постой! Что ты мелешь, Пистимея?! — хотел крикнуть Николка. — Я же жив, и ты знаешь это!»

«И что с того? — услышал он зловеющий шёпот старухи. — Для всех ты помер и для меня тоже!»

«Обожди, скажи всем правду! — потребовал, ужасаясь, Николка. — Не поступай со мной так жестоко, как задумала!»

«Я поступлю так, как хочу, — послышался леденящий душу шёпот ведьмы. — Ты ещё долго будешь мучиться под землёй, пока не подохнешь! А потом я умервлю твоих родителей и всю твою родню. Их смерть не будет легче твоей, я об этом позабочусь!»

«Ты для этого обратилась в ведунью Антоновну?» — затрепетал Николка.

«Это нетрудно было сделать, — противно хихикнула ведьма. — Душу старухи я отправила в ад, где ей и место. Теперь сама побуду в её шкуре, пока не изведу под корень весь твой род и не подберу тебе достойную замену. Когда отыщу такого же труса, из которого можно вылепить что угодно, я облачу его в мундирчик и...»

Расстегнув на Николке рубашку, она приложила к его груди ухо, потом подняла голову и объявила: «Не дышит!»

— Антоновна, а ты ничего не напутала? — вдруг усомнился средний брат. — Не может случиться так, что мы его живого похороним?

«Живой я, живой!» — закричал мысленно Николка в надежде, что его услышат, но...

— Не сумлевайтесь, он помер, — подтвердила старуха и повернулась к двери.

Николка изнемогал от ужаса и страданий. Братья склонились над ним.

— Не пора ли его переложить из постели? — обратился старший к среднему.

— А чего тянуть? — вздохнул тот. — Одежда для погребения уже приготовлена.

— Тогда давай соберём в последний путь нашего братишку.

Братья старательно обмыли тело Николки и обрядили в саван. «О Боже, за что мне выпала доля такая! — беззвучно вопил в отчаянии Николка. — Да, я совершил много страшных грехов, так ведь не по своей воле!»

Братья вышли и вернулись, волоча за собой что-то тяжёлое. «Господи, да это же гроб! — ужаснулся Николка. — Владыка небесный, не допусти эдакой несправедливости! Пошли мне смерть поскорее, прошу тебя, Господи!»

Но он не был услышан Богом. Один из братьев взял Николку под мышки, второй за ноги — и, приподняв над кроватью, переложили

в гроб. Ему вытянули руки вдоль тела, поправили на груди оборки и складки савана. Николка был в памяти, когда гроб вынесли из избы, поставили в телегу и перевезли на кладбище. Он вопил и молился, слыша удары молотка по шляпкам гвоздей, когда могильщики приколачивали крышку. Только тут Николка понял, что надежды на спасение нет и ему придётся умереть страшной смертью. Он смог пошевелиться лишь тогда, когда гроб опустили в могилу, а закричал, когда насыпали холмик и воткнули крест.

— Господи, люди, услышьте меня! — кричал Николка, царапая крышку гроба. — Жив я, живёхонький, выкопайте меня! Спаси-и-те!

— Прощай, сынок, да будет тебе земля пухом, — сказал отец,

крестясь и глядя на могилу. — Нелёгкая тебе досталась доля, но не нами она была тебе уготовлена.

— Люди, люди, жив я! — неистовствовал Николка в гробу. — Да услышьте вы меня, Христом Богом молю! Лю-ю-ю-ди-и!

— Вечного покоя тебе, сыночек наш любимый! — воскликнула мать. — Покойся с миром. Мы будем молиться, чтобы Господь смилостивился над тобой и не низвергал в пекло твою заблудшую душу.

— Люди! Люди! Жив я! — надрывался Николка, упираясь в крышку гроба ладонями. — Я... я... я...

Все, кто принимал участие в похоронах, покинули кладбище. Братья Николки вышли последними, стёрли со щёк слёзы и закрыли на воротах крючок.